200 137

200 137
15/IX 1925.

Приложеніе к отчету Пермскаго университета за 19¹⁷/₁₈ учебн. год.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 17886 1973 г.

Наука и Государственное строительство.

Рѣчь проф. **В. Н. Дурденевскаго**, произнесенная в открытом засѣданіи Совѣта 1 октября 1917 года.

Три четверти вѣка тому назад знаменитый профессор Московскаго Университета Тимофей Николаевич Грановскій, характеризуя перед своими слушателями исторію средних вѣков, дал этой эпохѣ жизни человѣчества получившее широкую извѣстность краткое опредѣленіе.

«Это было»—сказал он—«*время фантастическое*».—Много лѣт спустя будущій историк станет пытливым взором всматриваться в сложную картину жизни нашей современности. И весьма вѣроятно, что пытаясь выразить свои впечатлѣнія одной краткой формулой, он повторит слова Грановскаго. Наше время—также *время фантастическое*.

Можно даже утверждать с достаточной достовѣрностью, что фантастика средневѣковья и фантастика переживаемаго нами періода имѣют много общаго. В самом дѣлѣ, что хотѣл выразить Грановскій своим опредѣленіем, какія господствующія черты средневѣковой жизни старался он резюмировать?—Он сам отвѣчал на этот вопрос слѣдующее.

«Вся жизнь средних вѣков—разумѣя под этим именем ту часть исторіи средних вѣков, в которой жизненное начало дѣйствует с наибольшей силой,—состоит в борьбѣ абстрактных противоположностей, императорской и папской власти..... в борьбѣ отдѣльных сил и направленій общества, из коих каждое объя-

вняло эгоистическое требованіе на отдѣльное существованіе.... В средніе вѣка не возникло еще понятіе о полной, гармонической жизни всѣх элементов, из которых слагается общество»[1]).

Итак, борьба абстрактных противоположностей среди хаоса розно бредущих общественных сил. На первый взгляд нѣсколько туманно, но туман быстро разсѣется, когда мы вспомним, что под абстрактными противоположностями Грановскій разумѣл борьбу двух идеалов—идеалов средневѣковой имперіи и средневѣковаго папизма, этих двух грандіозных проектов *организаціи всечеловѣчества*, двух міровых *фантазм*,—как можно бы сказать языком научной психологіи.

Имперія и папство—это два знамени, вокруг которых собиралось средневѣковое человѣчество.

Каждое из этих знамен символизировало величественную абстракцію, плод воображенія народов,—*фантазму*, повторю еще раз,—одновременно отправляющуюся от дѣйствительности и эту дѣйствительность отрицающую.

Дѣйствительность средневѣковья была мрачна и пестра: она показывала безконечныя тренія отдѣльных слоев общества и отдѣльных племен, кризис натуральнаго хозяйства, трудное рожденіе хозяйства торговаго, рознь культурную, разобщенность пространственную, разбои и насилія.

Человѣчество, жившее в Европѣ, голодало и тосковало, его грабили и истребляли. Оно мечтало об утерянных гармоніи и справедливости.

Мы знаем теперь, что взаимодѣйствіе причин (нѣкоторыя из них упомянуты мною), реально вело—и привело—к образованію націй на мѣсто сословій и племен, к выработкѣ новой національной государственности и обновленію духовной жизни.

Но средневѣковые люди ждали и чаяли гармоніи еще большей, еще высшей, чѣм реально возможная. О послѣдней они думали, повидимому, мало. Их уму предносились образы вселенскаго объединенія и упорядоченія, образы *интернаціонала*, как сказали бы мы теперь.

Таких интернаціоналистических идеалов было два: один из них, священная имперія германскаго народа, стремился объединить извѣстный тогда мір в одно стройное цѣлое на началѣ импера-

торскаго властвованія. Имперія гордо претендовала на неограниченное повелѣваніе, на жизнь и имущество подвластных себѣ; мір она строила на началах рыцарской романтики и феодальнаго аристократизма. Ея опорой была сила меча.

Против этого интернаціонала военнаго владычества выступил интернаціонал духовный. Католицизм—по крайней мѣрѣ в теоріи—энергично противопоставил объединенію физическому—объединеніе моральное на началах вселенскаго братства и всехристіанскаго равенства; римско-католическая церковь в своей іерархіи выдвигала демократическое начало личной одаренности; ея опорой была сила мистики. «С безпримѣрною смѣлостью и послѣдовательностью развивает римская церковь свой порядок, который, правда, признает государство, но лишь постольку, поскольку право государства не погрѣшает против требованій церкви» (Еллинек.)[2]). В случаях разногласія, особенно принціпіальнаго, представители папизма энергично борются с князьями мірскими, без колебаній доказывая их прямое и всеобщее происхожденіе от ехидны и самого Люцифера, обличая их разбой и разврат, наконец утверждая, что, будучи ставленниками воли народа, всѣ они могут быть в случаѣ надобности прогнаны «подобно проворовавшемуся свинопасу»[3]).

Столкновеніе двух противоположных идеалов не дало полнаго торжества ни тому ни другому, хотя католицизм был, в общем, счастливѣе. Эта обоюдная неудача, с реальной точки зрѣнія, не удивительна—оба идеала слишком рѣзко расходились с дѣйствительной линіей историческаго развитія. Но что удивляет наблюдателя, это—рѣдкая способность людей средневѣковья жертвовать всѣм своим фантазмам. Эти terre-à-terre, эти герои кулачнаго права творили необычайные подвиги, достигали невѣроятнаго при тогдашней низкой техникѣ во имя «абстрактных противоположностей»; пусть при этом люди подчинялись реальным сплам и приходили не туда, куда шли; шли они охотно потому, что поддавались фантазмѣ, вѣрили в нее и ставили ее выше себя. Всматриваясь в войны Фридриха I и II Гогенштауфенов, в борьбу итальянских гвельфов и гибеллинов, в италійскіе и сирійскіе походы нѣмцев, во вмѣшательство арабов, во

*

всеобщую ломку и развал, мы готовы ужаснуться, почувствовать себя перед массовым психозом, кровавым и катастрофическим.

Но когда опытный историк показывает нам в этом хаосѣ завязи корней культуры Возрожденія, когда мы видим исподволь подготовляющійся новый экономическій и политическій строй в законах того же Фридриха II Гогенштауфена—мы изумляемся этой живой сказкѣ исторіи. Да, время фантастическое, время необычайных дерзаній и неожиданных достиженій!

Послѣ сказаннаго становится яснѣй возможность проводить аналогію меж средневѣковьем и современностью,—возможность, которую я утверждал выше. Конечно, обстановка измѣнилась; мір стал больше и вмѣстѣ с тѣм—благодаря путям сообщенія—доступнѣе; измѣнилась техника, экономика, право. Но развѣ не владѣют вновь душой современнаго человѣчества колоссальныя фантазмы? Развѣ не возродилась Имперія Германской Націи, стремящаяся создать интернаціонал на началѣ властвованія, урегулировать всѣ великія противорѣчія, всю «вольную игру» сил государственных, національных, классовых, хозяйственных, по желѣзной указкѣ меча? Развѣ не аристократія клинка и капитала замыслила этот интернаціонал и развѣ—пусть движимая реальной экономикой—не превратила она своей фантазмы в нѣчто самодовлѣющее, не выставила народным массам гордаго знамени, окруженнаго романтизмом и поэзіей? Да, поэзіей,—кто слѣдил за нѣмецкой изящной литературой перед войной, тот знает, какую роль сыграли новые трубадуры и менестрели в подготовкѣ почвы для военнаго интернаціонала, с Германіей-гегемоном[4]).

И против военнаго сверхнароднаго владычества выступает вновь интернаціонал духовный, влекущій сердца современных демократій. Это—не католицизм болѣе, это новая религія современности, соціализм.

Господа, сопоставленіе католицизма и соціализма, признаніе послѣдняго в его *массовом* проявленіи движеніем по типу и характеру религіозным – уже не ново в литературѣ. Укажу у нас на Франка, во Франціи – на Ле—Бона[5]).

Мы имѣем перед собой извѣстную догматическую систему; быстроту и заразительность воспріятія, пламенную вѣру апосто-

лов и — что главное — *упованіе* массы адентов на пришествіе новаго земного рая, упованіе не поддающееся ни провѣркѣ, ни опроверженію — упованіе полное *дѣйствительно мистической* силы и подчас доходящее до фанатизма. Должен ли я прибавлять, что, опираясь на эту силу, вожди соціализма строят идеал будущаго на началах *демократическихъ* — началах всеобщаго *равенства* и всетрудового *товарищества:* что іерархія их организаціи есть, в принципѣ, *подбор способностей*, что, наконец, в смѣлости и в энергіи эпитетов по адресу сытых и сильных міра сего современные агитаторы едва ли уступают былым проповѣдникам папы?

Борьба двух фантазм подготовлялась издавна — и на ряду с ней кипит сейчас столкновеніе реальных данных и возможностей.

Каков будет исход — почти невозможно предсказать в разгарѣ борьбы; но уже намѣчается, что духовный демократическій интернаціонал как будто выйдет из борьбы счастливѣе военнаго, и уже можно сказать с увѣренностью, что в войнах Вильгельма I и II Гогенцоллернов, в колоніальных захватах, в Американском вмѣшательствѣ, в воздушной и подводной борьбѣ, в организаціи боевой и продовольственной машины люди нашего времени проявляют удивительное, чисто средневѣковое упорство при осуществленіи своих фантазм. Наше время — также время дерзаній и неожиданных достиженій, приводящих к переоцѣнкѣ всѣх цѣнностей, к ломкѣ всего уклада жизни.

Старое государство терпит кризис — это стало общим мѣстом. И старое міровозрѣніе также разбито. Возьмите сборник The International Crisis: The Theory ot the state, изданный в 1916 году группой англійских профессоров и мыслителей. — Вы увидите, какую напряженную работу, в поисках новаго, продѣлывает сейчас вѣчно-эволюціонировавшая Англія, какой кризис переживается ею. На континентѣ то же; всѣ существующія соціальныя силы стараются, пользуясь моментом, проявить себя, и «имперіализм» в разных формах, но с одним и тѣм же стремленіем к господству стал чѣм-то повальным — даже у его противников. «Повсюду торжествует имперіализм — пишет Ромэн Роллан в своем романѣ «Неопалимая Купина» . . . . . «военный им-

X 1919 – Версальскій миръ и Московскій Коминтернъ

періализм торгашеских и мистических монархій; чиновничій имперіализм франкмасонских и алчных республик, диктаторскій имперіализм революціонных комитетов . . . В настоящее время приходится выбирать не между имперіализмом и свободой, а между имперіализмом и имперіализмом... Бѣдная свобода, ты не от міра сего».

Слово «имперіализм» употреблено писателем, быть может, не вполнѣ удачно, но сущность передана вѣрно. Свобода сейчас всюду не от міра сего, а с ней стали не от міра сего и гуманность, и честь, и совѣсть, и еще много других раньше имѣвших значеніе слов. Люди—как итальянскій футурист Папини—доходят до апофеоза іудина предательства, и их ученіями увлекаются другіе. Кругом сплошная фантастика, сплошная катастрофа. И экономисты говорят нам уже об «усовершенствованном средневѣковьѣ», философія доказывает необходимость зла в мірѣ и строит теоріи катастрофическаго прогресса, обращаясь за матеріалом туда же, в средніе вѣка, к ученію блаж. Августина[6]).

II. Мы заговорили о науках, господа, и нам пора поставить себѣ вопрос: да от міра ли сего теперь наука? Каково ея положеніе в набросанной выше, по необходимости бѣглой и сжатой, картинѣ мірового кризиса? Для нас, здѣсь собравшихся, вопрос этот пріобрѣтает особенную жгучесть. Какова роль ученых, в частности ученых русских, в предстоящем строительствѣ новой жизни и какова она в настоящій тяжкій момент?

Обычный отвѣт на эти вопросы—глубоко скептическій. Наука, говорят, вообще далека от жизни, а в моменты общественных кризисов и катастроф совершенно отрывается от дѣйствительности, уходит ввысь и занимает положеніе вродѣ знаменитаго гроба Магомета, повисшаго, по легендѣ, между зенитом и надиром.

Люди жизни становятся равнодушны к наукѣ; ученые платят таким же равнодушіем к жизни и ея требованіем. Доказательство перваго—пустѣющія аудиторіи и библіотеки; доказательством второго обычно служат разные примѣры ученой «отрѣшенности»; из них лучшіе доставляются исторіей греческой

математики (Архимед) и германской «метафизики» (Фихте, Гегель и др.).

Взглянем на них.

Преданіе о смерти Архимеда повѣствует нам, что во время взятія и страшнаго разгрома Сиракуз римлянами великій геометр сидѣл у себя в комнатѣ, погрузившись в вычисленія. Он не слышал ничего кругом и, внезапно увидѣв перед собой опьяненнаго рѣзней солдата, просил пощады не себѣ самому, а своим чертежам. Это ли не равнодушіе к жизни, даже своей собственной?

Нѣмецкая идеалистическая философія начала XIX вѣка дает примѣр болѣе свѣжій. Ея расцвѣт совпадает с ожесточенной борьбой между старой княжески-легитимистской Европой и революціонной Франціей. И как раз в то время, когда под ударами французских армій — сначала республиканских, позже наполеоновских — ломался и перестраивался весь уклад государственной и общественной жизни Германіи, Фихте и Гегель создавали свои системы и выпускали свои абстрактные труды: «Наукоученіе», «Феноменологію духа» и проч. Существует даже разсказ, что послѣднія главы Феноменологіи дописывались в буквальном смыслѣ под гром пушек Іенской битвы меж пруссаками и французами, причем увлекшійся автор ничего не замѣчал вокруг. — И вот, — говорят обычно — примѣр этих философов идеалистов наглядно показывает, что в моменты общественных кризисов наука стремится к метафизическому, — в буквальном смыслѣ углубляется «по ту сторону естества».

Господа, это — неправда, хотя кажется правдой.

Наука не становится гробом Магомета, не отрывается от жизни, и жизнь не уходит из-под ея вліянія, хотя бы интерес к знанію и слабѣл временно у отвлеченной борьбой молодежи. Наука хранит свое естество неизмѣнно: в бурю или в затишье она изучает жизнь и часто оказывает на нее дѣйствіе, именно оставаясь сама собой и углубляясь в свои проблемы.

Судьба отдѣльнаго ученаго может быть в моменты кризисов жалка или смѣшна. Судьба их общаго дѣла нетлѣнна и жизненна.

И как раз на примѣрах Архимеда, Фихте, Гегеля легко видѣть неправильность утвержденія об оторванности глубокаго ученаго от жизни. Архимед не только оставил нам теорію удѣльнаго вѣса, винта и рычага, отношеніе окружности к діаметру и т. д., но он оставил память о том, что Сиракузы три года противостояли легіонам Марка Клавдія Марцелла, прозваннаго «Молот Рима», — именно и исключительно благодаря инженерному искусству стараго математика. Фихте не только выработал одну из величайших систем философскаго идеализма, но набросал любопытную утопію полусоціалистическаго государства будущаго и своими «рѣчами к нѣмецкой націи» через год послѣ тильзитскаго мира создал новое пониманіе нѣмецких національных задач, в буквальном смыслѣ воскресив народную гордость и народный дух своих соотечественников. Наконец, не гегелевская ли діалектика дала толчек развитію той реалистической струи современной мысли, которая именуется марксизмом?

Нѣт, наука не чужда общественной жизни и ея строительству, и чѣм больше ученые углубляются в свое дѣло, тѣм больше шансов для них позыситъ вліяніе науки в жизни — порой совсѣм неожиданным образом. Это — лишь кажущійся парадокс.

Я попытаюсь здѣсь разъяснить его, освѣтив рядом примѣров роль науки в наиболѣе очередном для нас и, пожалуй, для всего цивилизованнаго человѣчества дѣлѣ — в строительствѣ государственном.

Но раньше, чѣм обратиться к этим примѣрам, выясним вкратцѣ наше представленіе о научном знаніи и государственном строительствѣ — терминах, с которыми мы будем оперировать.

Наука, господа, может быть опредѣлена как запас свѣдѣній о вселенной в цѣлом и в частях, — свѣдѣній, которыя накоплены, упорядочены и обобщены человѣчеством в теченіе долгих вѣков; говоря короче, наука есть систематизированное знаніе.

Было время, когда запас свѣдѣній человѣчества был не особенно велик, когда чуть не вся доступная «премудрость» могла умѣститься в головѣ какого нибудь жреца или философа. Аристотель, наприм., являет нам образец такой поразительной энци-

клопедичности. Теперь такія времена далеко позади. Наука разбилась на ряд вѣтвей, из которых каждая относится к какой нибудь области міра и жизни и разрабатывается «спеціалистами».

Вѣтви эти с теченіем временм пріобрѣли весьма разный характер, спеціалисты выработали особые пріемы — и тѣм самым дали матеріал для обширных ученій логики и гносеологіи — наук о мышленіи и познаваніи. К курсам этих наук я и вынужден отослать своих уважаемых слушателей относительно подробностей теоріи познанія. Здѣсь лишь очень кратко отмѣчу нужныя для меня элементарныя идеи,—оговариваясь, что о всѣх их немало спорят.

С давних пор разныя вѣтви науки образуют два больших пучка — извѣстных как *науки естественныя* и *науки общественныя;* это дѣленіе, так сказать, по предмету; наряду с ним существует — и в глазах риккертіанской школы должно бы его замѣнять дѣленіе по характеру познанія - на науки номографическія и идіографическія, т. е. законоустанавливающія и описательныя.

Первое указанное дѣленіе объясняется тѣм, что есть одна подробность во вселенной, которой род людской очень интересуется; это он сам. По этому поводу один насмѣшливый поэт давно замѣтил:

Близ солнца, на одной из маленьких планет
Живет двуногій звѣрь некрупнаго сложенья,
Живет сравнительно еще немного лѣт
И думает, что он *вѣнец творенья*[7]).

Справедливо или нѣт, - но люди дѣйствительно это думают, и для изученія своих взаимоотношеній давно стали выдѣлять особыя науки - о духѣ, о культурѣ, общественныя, как их разно называли в разное время — в отличіе от наук естественных, направленных на внѣшнюю природу прежде всего и лишь отчасти на человѣка. Перед нами предметное дѣленіе скорѣе историческаго характера.

Второе дѣленіе имѣет за собой болѣе логическое основаніе. Оно построено, элементарно говоря, на разницѣ вопросов: *что* и *почему?*

Идіографія, отвѣчая на первый вопрос, стремится дать картину фактов; номографія идет слѣдом, стараясь отвѣтить на второй и установить меж фактами связь закона причинности.

Часто полагают, особенно не спеціалисты, что наукам общественным приходится довольствоваться лишь пріемом идіографіи, из-за пестроты міра человѣческих отношеній, законы котораго трудно уловимы.

Не буду разбирать в подробностях этого взгляда, замѣчу только, что его не раздѣляю и думаю, что меж науками общественными и естественными абсолютной логической грани не лежит.

Законы развитія человѣческих обществ труднѣе уловимы, чѣм законы внѣшняго міра—это вѣрно. Но отрицать вполнѣ их уловимость было бы заблужденіем. Человѣк есть также часть природы.

Слѣдуя Еллинеку, мнѣ кажется, можно установить примѣнимость трех типичных форм научнаго изученія явленій наблюдаемой нами дѣйствительности, сообразно трем видам, вырабатываемых нашим умом норм[8]).

Мы можем устанавливать нормы (законы) необходимости—закон причинности прежде всего. Это изученіе каузальное, господствующее в естественных «чистых» науках. Можем далѣе, изучив причины, так сказать комбинировать их, составлять и провѣрять правила практическаго дѣйствія. Это—ученіе цѣлевое, телеологическое. Это—науки прикладныя или, как нѣкоторые говорят, и как, быть может, было бы говорить точнѣе,—искусство, техника. Послѣдняя обычно показывает, что абстрактные законы требуют практических поправок. Но с другой стороны только выводы чистых наук дадут твердую почву техникѣ.

Наконец, можно изучать извѣстныя гипотетическія правила «в себѣ», как таковыя, приводить их в систему и устанавливать их взаимоотношенія и развитіе. Это изученіе нормативное, с точки зрѣнія не сущаго, не цѣлесообразнаго, а должнаго. Сюда подойдут науки о правѣ в своей значительной части; науки этическія (о нравственности) и, быть может, нѣкоторые отдѣлы математики.

Такое дѣленіе, вращаясь меж полюсами идіографіи и номографіи и не отрицая, а пополняя их, не есть пустая и чуждая нашей темѣ отвлеченность. Оно поможет нам опредѣлить характер государственнаго строительства и его отношеніе к наукѣ.

Государственное строительство есть нѣчто практическое, это—созданіе новой формы человѣческаго общежитія, на опредѣленной территоріи, под главенством опредѣленных правил поведенія.

Ясно, что ученіе о нем может носить лишь прикладной технической характер и должно опираться на выводы и данныя иных наук, как указано выше. Общественная техника есть все же техника.

Весь вопрос теперь, какія услуги могут оказать иныя отрасли научнаго знанія своей сестрѣ, имѣющей в виду цѣлесообразно мѣнять государственную жизнь? Всмотримся в вопрос ближе. Мы замѣтили, что государственное строительство, разсматриваемое в научной плоскости, есть техника, искусство. Что же важно для всякой техники, для всякаго строительства? Прежде чѣм приступить к осуществленію тѣх или иных заданій, она должна уяснить себѣ: 1) свойства своих матеріалов и законы природы, которым эти матеріалы подчиняются; 2) возможное улучшеніе этих матеріалов, если они плохи.

И за таким уясненіем техническая отрасль знанія обращается к своим сестрам—чистым ли наукам номографическаго или идіографическаго типа, или даже к иным прикладным, стоящим, как она сама, на точкѣ зрѣнія не просто познанія, а цѣлесообразности, примѣненія. Может случиться, что ей придется обратиться и к наукам нормативным.

Поясним сказанное примѣром.

Архитектор, возводя дом, должен быть знаком с законами тяготѣнія, сцѣпленія, удѣльнаго вѣса, сжимаемости и расширяемости в зависимости от температуры; ему важно знать пластичность, сопротивляемость, растяжимость и иные «коэффиціенты» своих матеріалов; и он чрезвычайно рад, если ему возможно улучшить эти матеріалы, замѣнив, напримѣр, глину кирпичом и туфом, а кирпич и туф желѣзо-бетоном и марморизированным стеклом. Разные виды познанія—частью каузальнаго, частью те-

леологическаго—дают нашему архитектору нужныя справки. Возможно, что его матеріалы и примѣнимость их окажутся расцѣненными человѣчеством с точки зрѣнія должнаго—и тогда архитектор может, не посовѣтовавшись с лицом, прошедшим школу нормативной науки права, попасть в непріятное положеніе. Сидя на нѣкоторой скамейкѣ, он будет слушать, как два искушенных в этой наукѣ человѣка спорят, доказывая—один, что архитектор преступник и его слѣдует посадить в мѣсто еще болѣе непріятное, а другой—что архитектор ничего дурного не сдѣлал, и что ему надо скорѣе разрѣшить встать со скамейки и уйти перестраивать некстати развалившійся дом.

Господа, государственному строителю так же, как строителю дома, надо знать: 1) свойства и законы своих матеріалов; 2) возможность их улучшенія. Не мѣшает ему подчас заглянуть и в нормативную науку.

Но каков же матеріал государственнаго строителя? Это—человѣческое общество, т. е. согласно Еллинеку, совокупность психологических связей, складывающихся в болѣе или менѣе многочисленной группѣ людей[9]).

Конкретизируйте это опредѣленіе по методу Гнейста: вспомните всѣ наши обычныя отношенія с вашими семейными, родственниками, друзьями, сослуживцами, продавцами, покупателями, б—м., прислугой, умножьте все это в нѣсколько сот тысяч раз—вы получите представленіе о той сѣти отношеній, которая именуется «общество».

Легко понять, что изучить законы и свойства общества—дѣло отнюдь нелегкое. Наука, поставившая себѣ эту задачу—соціологія,—еслиб достигла высокой степени развитія, могла бы дѣйствительно оказать государственному строителю—реформатору неоцѣнимую помощь. Он получил бы возможность опредѣленно предсказывать, что у него выйдет при такой то и такой то комбинаціи причин. Но пока соціологія еще не достигла такого вѣнца своих желаній.

Ей удалось установить лишь немногіе и довольно относительные законы.

Один из них—и едва ли не один из достовѣрнѣйших—гласит, что состояніе естественных наук даннаго общества неиз-

мѣнно оказываетъ крупное вліяніе на его политическую структуру, на организацію в нем власти.

Это вліяніе косвенное или кажется таким; это не мѣшает ему быть громадным. Всякое новое завоеваніе человѣка по отношенію к окружающей природѣ немедленно отражается на это психикѣ, открывая ему новыя возможности, новые горизонты; а именно в психикѣ и коренятся государственное (и всякое иное) право и власть.

Вот почему великія открытія и изобрѣтенія обычно сильно отражаются на основах и характерѣ власти.

Один остроумный французскій наблюдатель утверждал даже, что истинными законодателями, сами того не зная, являются «чистые» ученые естественники, и едва ли он не был прав.

Позвольте нѣсколько примѣров. Вы помните, что, говоря в началѣ рѣчи о средних вѣках, я упоминал о господствовавшем тогда разбойничьем «кулачном» правѣ феодалов и о моральном успѣхѣ католическаго идеала всемірнаго объединенія вокруг папскаго престола.

Что сокрушило возможность для каждаго барона быть королем в своей бароніи и отсиживаться от королевских войск в крѣпком замкѣ? Что подорвало казавшійся незыблемым религіозный авторитет папизма, перед которым отступали и склонялись, несмотря на всѣ усилія, императоры?

Химія дала королям физическое средство против замковых стѣн и башен; астрономія дала им одно из сильнѣйших средств против пап, подрывая религіозную догму в глазах тогдашней интеллигенціи. Я разумѣю открытіе взрывчатых свойств пороха и двойного вращенія земли вокруг оси и солнца.

Рожер Бэкон или Бертольд Шварц—кто бы из них не изобрѣл порох,—ни мало не думал о том, что в результатѣ их опытов королевскій абсолютизм укрѣпится и заведет в Европейских государствах единообразный и прочный порядок. Коперник, Джордано Бруно и Галилей очень мало стремились подрывать авторитет святѣйшаго отца– первый из них сам был католическим священником. Но их наблюденія и выкладки противорѣчили ученію Библіи, противорѣчили догмѣ церкви и тѣм са-

мым—тѣм самым наносили папству рану, о глубинѣ которой можно судить по обрушившейся на них карѣ.

Бруно был сожжен, Галилея пытали и заточили, книгу Коперника осудили, уничтожали всячески и сняли с нея запрет лишь много позже, когда онъ фактически не имѣл уже никакого значенія[10]).

А земля все таки вертѣлась,—скептицизм и критика догмы широкой волной лились въ пробитую брешь, загремѣла реформація и с папским теократическим интернаціоналом было кончено. На сцену побѣдно выдвигались новыя національныя государства.

Великія географическія открытія Васко де Гэмы и Колумба не только положили основу колоніальным имперіям латинских и англо-саксонских народов; в самой Европѣ они создали денежное хозяйство, что привело к великим экономическим потрясеніям, так краснорѣчиво описанным Марксом и Зомбартом, и создало в экономикѣ теоріи меркантилизма, а в политикѣ полицейское государство.

Наконец, можно сказать, вмѣстѣ с упомянутым мною уже французом Крюэ, что вся современная цивилизація вышла из котла Папэна[11]). Не открой этот физик силы пара, не возможны были бы всѣ позднѣйшія изобрѣтенія машин до динамо-машины включительно. Ни станки Уатта-Аркрайта, ни пароход Фультона и паровоз Стефенсона, ни лампы Гемфри-Деви и Эдиссона, словом, не появилась бы вся современная большая индустрія и современный комфорт, а вмѣстѣ с тѣм цѣлый ряд государственных и правовых проблем современности, не было бы буржуазных революцій и погони за рынками и обильными металлом и углем областями—той погони, которую так часто теперь называют «имперіалистическими» стремленіями государств.

Этих примѣров довольно для выясненія крупной роли естественных наук и необходимости для государственнаго реформатора быть au courant результатов современнаго ему естествознанія. Эти результаты для него—тот же грунт для архитектора, прочность и разслойка котораго должны быть извѣстны. И вот почему ученые, склонные по своим личным взглядам к соціалистическому міровоззрѣнію, серьезно задаются теперь во-

прóсом, возможен ли сейчас соціалистическій переворот хозяйственный и государственный?

В естествознаніи и машинной техникѣ современности нѣт пока еще того рѣзкаго скачка, который в свое время предопредѣлил воцареніе капиталистическаго конституціоннаго государства.

Грунт указывает на возможность скорѣе постепенной перестройки корпуса, чѣм радикальных измѣненій в фундаментѣ зданія. Сами вожди соціализма отнюдь не чужды этой мысли— и не даром новыя чудесныя открытія и изобрѣтенія являются предпосылкой соціализма в талантливых соціальных утопіях Бэллами и Блэтчфорда.

От естественных наук обратимся к наукам общественным.

Из них большое значеніе могут имѣть философія и соціальная психологія, соціологія, исторія, политическая экономія и статистика.

Первыя двѣ важны потому, что, выясняя частью даже создавая міровоззрѣніе и настроеніе общества—онѣ указывают реформатору извѣстныя свойства матеріала, предрѣшающія во многом план. Ни один реформатор не может игнорировать глубоких умственных теченій своего времени, да в большинствѣ случаев и не хочет этого, так как в отличіе от обычнаго архитектора государственный реформатор входит в состав им строимаго и может, до извѣстной степени, быть сравнен с коралловым полипом, вросшим в свой атолл. Способ выработки міровоззрѣнія, господствующій среди мыслящих современников, пути, по которым «общество» думает и особенно чувствует, невольно захватывают и руководящих реформами лиц.

Вспомним о роли энциклопедистов философов в созданіи просвѣщеннаго деспотизма, вспомним о значеніи вѣтви Гегельянства, именуемой школой Маркса, для соціальных государственных реформ послѣдняго времени и, быть может, для будущаго интернаціонала, вспомним, наконец, об анархизмѣ и его ярком философском выраженіи ницшеанствѣ—с гнѣвным отрицаніем «холоднаго», «дурно-пахнущаго», «лгущаго» чудовища-государства и вы согласитесь, что философія может сыграть в государственном строительствѣ иногда роль руководящих вѣх, иногда

предостерегающих сигналов, иногда же, быть может, роль библейской «верви разоренія».

Быть в состояніи предвидѣть, гдѣ начинается такая вервь разоренія, как преломляются в обществѣ тѣ или иныя идеи, открыть, так сказать, законы развитія соціальной психики и соціальной, быть может, «физики»—таковы заданія соціологіи и соціальной психологіи; эти двѣ науки, тѣсно переплетающіяся, далеко еще не совершенны, но над их совершенствованіем идет энергичная работа. Имена и труды Тарда, Гумплович, Мак-Даугольля, Спенсера, Кидда—из русских Ковалевскаго, де-Роберти, Лаврова, Михайловскаго и друг. пріобрѣли заслуженную извѣстность.

Любопытную попытку соціологическаго «Введенія в государствовѣдѣніе» сдѣлал у нас Н. С. Васильев.

Нельзя отрицать, что нѣкоторые законы соціальнаго подражанія (Тард) изслѣдователям удалось освѣтить, и что в рядѣ случаев соціологія может отваживаться на предсказанія—как я покажу еще дальше в отношеніи Россіи и М. М. Ковалевскаго. Огромную помощь оказывает соціологам исторія, уроки которой ими развертываются в новыя комбинаціи. Ея описанія ведут к их номографіи. Отмѣчу при этом любопытный факт: большая часть названных выше ученых, в особенности Тард, Гумплович и Ковалевскій были чужды мысли ставить соціологіи прикладныя задачи общественнаго строительства и сдѣлали для их рѣшенія, в сущности, гораздо больше, чѣм основатель соціологіи Огюст Конт, опредѣленно имѣвшій в виду возможность реформаторства по его наукѣ. Чистая наука и тут оказывается наиболѣе вліяющей на жизнь.

То же можно сказать о политической экономіи и статистикѣ—двух науках, раскрывающих нам законы общественнаго хозяйства и «тѣ стороны государственной и общественной жизни, которыя могут быть выражены в цифрах» (Лексис).

О роли политической экономіи в развитіи форм государственнаго строя,—о связи, напримѣр, доктрины экономическаго либерализма, отмѣтившей новыя хозяйственныя предпосылки общественных отношеній, с либерально-конституціонным или, как его часто называют, буржуазным государственным строем гово-

рилось уже так много в литературѣ, что я боюсь задерживать на этом ваше вниманіе. Во всяком случаѣ экономическіе законы — законы каузальные—в значительной части намѣчены, и за игнорированіе их, равно как за игнорированіе количества и качества своих матеріалов, их статистических таблиц и индексов — жестоко поплатился бы государственный архитектор.

К суду его, правда, привлекли бы не представители нормативной науки—хотя и эта возможность не исключена – но сама жизнь постановила бы без аппеляціи «разрушить строеніе».

Я коснулся нормативной науки—науки права, господа, и я чувствую, что мнѣ придется сейчас нѣсколько удивить многих из вас, сказав, что эта наука в дѣлѣ государственнаго строительства оказывает услуги скромныя и нѣсколько иного рода. чѣм, напримѣр, политическая экономія или соціологія.

Юриспруденція—не изучает законов общественнаго развитія; она изучает законы должнаго поведенія людей в обществѣ, установленные в значительной мѣрѣ помимо нея. Юрист не строитель, он—скорѣе смотритель постройки. В самом дѣлѣ, до сих пор спорят еще, что из чего вырастает—право из государства или государство из права?—Допустив даже,—я склонен к этому,– что общественное явленіе права предшествует и первенствует над общественным явленіем государства, мы все же не забудем, что юристы не создают в цѣлом права, а лишь совершенствуют его. Право—это, по красивому выраженію Тарда. вывод силлогизма, гдѣ предпосылками служат—большей аппетиты общества, меньшей его идеи. Вывод дѣлается путем обычая, теперь гораздо чаще—законодательства, и с измѣненіем предпосылок должен мѣняться. Но в отношеніи обычая довольно часто, в отношеніи закона также нерѣдко наблюдается тенденція однажды сдѣланнаго вывода к застыванію. Человѣческій ум довольно инертен, склонен пригонять содержаніе по данной формѣ, а не наоборот. На этой почвѣ происходит прекрасно извѣстное всѣм юристам явленіе вѣчной борьбы стараго права с новым—происходит с особою рѣзкостью в сферѣ права государственнаго, хотя извѣстно и другим его областям.

Зданія государств старѣют едва возведенныя, нуждаются вѣчно в ремонтѣ, перестройках, частичных разрушеніях; можно

сказать, что они состоят из разновременно строящихся этажей и корпусов. В этих довольно в общем еще неуклюжих хоромах юрист вѣчно хлопочет, стараясь завести в них порядок, очистить от хлама, предупредить завал своевременным обращеніем к архитектору, подштукатурить, подкрасить, перемѣнить число комнат в квартирах, иногда заколотить явно негодное для жилья законодательное помѣщеніе превращеніем его в так наз. мертвую букву.

Так, напримѣр., англійскіе юристы в государственной области омертвили право англійскаго короля не утверждать законы.

Бывает, что юристу ученому удается обратить вниманіе законодателя на изъяны, дефекты, путаницу, устарѣлость тѣх или иных частей правовой системы, о расхожденіи которых с жизнью ему докладывает ежедневная работа судов и администраціи, а также изученіе сравнительнаго законодательства; тогда законы измѣняются. Бывает, что толкованіями и упорядоченіем юристы приспособляют к жизни, поправляют неправильный вывод законодателя; тогда законы дѣлаются «пластичнѣе».

Наконец, бывает, что им не удается ни то, ни другое и тогда им остается ждать обвала государственнаго зданія и капитальнаго ремонта — т. е. революціи.

Давно замѣчено, кажется, Токвилем,—что юристы революцій в общем не долюбливают и предпочитают обходиться без них; это понятно—слишком уж много хлопот правовѣдам послѣ такого ремонта; надо убирать обломки, надо изучать новое зданіе.

Но стоит подчеркнуть, что, сами того не сознавая, юристы как никто способствуют подчас революціям своей постоянной критикой, спорами, попытками наведенія порядка и системы в явно устарѣлом законодательствѣ, наконец, самым своим ядовитым пріемом—мертвой буквой.

Приведу примѣр: у нас до сих пор сохранилось в законах право родителей без суда сажать в тюрьму непокорных дѣтей и право мужа на неограниченное послушаніе жены. Загляните в Улож. о Наказ., ст. 1592, в. т. X, ст. 107: мертвыя буквы стоят на своем мѣстѣ и говорят то, что я только что процитировал.

«Власть родительская», «неограниченное послушаніе» — особенно неограниченное послушаніе — как это основательно позабыто!

В свое время эти статьи имѣли большой соціологическій и политическій смысл: власть русскаго царя не даром считали патріархальной, не даром именовали его в обращеніях батюшкой. Самодержавію семейному соотвѣтствовало самодержавіе государственное.

Движимые чувством состраданія к дѣтям и женщинам и ссылаясь на несоотвѣтствіе духа разных частей законодательства прогрессивных и устарѣлых, русскіе юристы и сам правительствующій сенат убили двѣ упоминавшіяся статьи. Право, при этом они не думали, что, устанавливая республику в семьѣ, в один прекрасный день можно установить республику в странѣ. Однако, это так было — один из прочнѣйших устоев патріархальной власти был безповоротно выдернут.

Из сказаннаго слѣдует, что роль *юриста* как такового в государственном строительствѣ не так мала и не так велика, как часто думают. Он скорѣе наблюдает, контролирует и корректирует, чѣм ведет и строит. Часто, однако, такое косвенное вліяніе ему надоѣдает. Он из смотрителя дѣлается архитектором, иногда незамѣтно для себя переходит из одной роли в другую. Правовѣд дѣлается государственным зодчим или политиком, как их называют. Наука нормативная часто используется для науки прикладной. Но, господа, надо помнить, что политик не всегда юрист и, пожалуй, плохо, если он только юрист, а хоть чуточку не соціолог, не философ и т. д.

Из пройденнаго нами выше строя наук вы, надѣюсь, убѣдились, что всѣ онѣ имѣют значеніе для политики, государственнаго реформаторства, строительства называйте как хотите. Крижанич когда то замѣтил, что «всѣм наукам есть госпожа политика или королевская мудрость», — и, пожалуй, это дѣйствительно госпожа если не в смыслѣ важности, как полагает почтенный автор XVII вѣка, то в смыслѣ эксплуатированія ею всѣх своих сестер.

«Только во всем знаніи данной эпохи может быть найден масштаб для измѣренія достоинств и недостатков политических

*

принципов, которые должны быть положены в основаніе рѣшенія борьбы между старым и новым правом»[12]). Вот почему великіе мастера прикладной науки политики были обычно весьма широко образованными людьми. Упомяну Платона и Аристотеля как основателей науки, Макіавелли, Монтескье, Руссо, Бентама, из числа оставивших широкій слѣд в конструкціи современных государств.

Наименѣе образованным из названных был, пожалуй, Руссо и его планы, его «Общественный договор или принципы политическаго права», терпѣли на практикѣ больше всего измѣненій и вызывали массу неудобств, несмотря на оказаннсе ими безспорное вліяніе (особенно в Швейцаріи).

И нужно ли говорить о вліяніи, которое имѣла теорія раздѣленія властей Монтескье, этого блестящаго историка, соціолога, философа и юриста своего времени?

От соціальнаго и государственнаго политика требуется не только образованіе,—от него требуется осторожность, наблюдательность, логика и, быть может, превыше всего чувство мѣры.

Это чувство также развивается наукой—я сказал бы всею наукою вообще и каждой ея дисциплиной в отдѣльности—и тут наука оказывает политику услугу как прямо, на его особѣ, так и косвенно, на его матеріалах. Она их, т. е. людей, медленно совершенствует.

Дѣйствительно, «коэффиціент на матеріалы» у политика строителя бывает иногда из рук вон плох. Вмѣсто бетона у него под руками оказывается даже не хорошій кирпич, а глина.

Возьмем примѣры: у нас в XVIII вѣкѣ было завѣщательное престолонаслѣдіе. Идея недурная, устраняющая всѣ дефекты и случайности наслѣдованія власти, стоявшая в связи с умственным движеніем естественно-правовой школы. Но у заинтересованных лиц не оказалось нужнаго пониманія общаго блага—пришлось вернуться к простому наслѣдованію.

В Швейцаріи существует референдум, в Америкѣ издавна всеобщее избирательное право. Учрежденія прекрасныя, глубоко демократическія. Однако, посмотрите как референдум отклоняет, напримѣр, в Женевѣ законопроект о закрытіи домов разврата, перелистуйте прекрасный американскій указатель литературы о

роли подкупа и протекціи при выборах, Гриффина[13]) — и вы скажете, что тут чего то не хватает.

Не хватает, господа, многаго.

Джемс Брайс в небольшой замѣчательной книжкѣ «Препятствія к хорошей гражданственности»[14]), вышедшей в Нью-Іоркѣ в 1910 году, на основаніи своего личнаго глубокаго изученія политики и на рядѣ примѣров показал, что не хватает знаній, вдумчивости, стойкой послѣдовательности, способности поступаться собой для всѣх, не хватает терпимости к чужому мнѣнію и способности соразмѣрять цѣли и средства. И он показал, что если современныя демократіи прогрессируют, то лишь благодаря сознанію этих дефектов—пусть смутному, благодаря тягѣ к знанію—пусть безотчетной, благодаря распространенію науки—пусть слабому еще.

Как—скажете вы? Да развѣ наука внушает скромность и умѣренность? Пріучает к вдумчивости, послѣдовательности, самопожертвованію? Да, дает! да, пріучает! не судите по отдѣльным исключеніям, по недоученым в особенности, столь распространенным, к сожалѣнію, у нас. Но вспомните, сколько хотя бы одних естественников погибло *сознательно* во врѣмя попыток открыть корень той или иной болѣзни, секрет того или иного химическаго сочетанія. Вспомните недавнюю слѣпоту Эдиссона. Вспомните только об условіях работы русской земской медицины, статистики, нашей начальной народной педагогики! Вы откажетесь от своего вопроса.

Мнѣ остается замкнуть вывод, господа: наука в своих разнородных дисциплинах связана с жизнью тысячью нитей и эта связь тѣм тѣснѣе, чѣм тоньше кажется. Наука доставляет для государственнаго строительства нужныя свѣдѣнія о средѣ и матеріалах. Наука совершенствует эти *матеріалы, дисциплинируя* их.

III. Послѣ сказаннаго мнѣ придется лишь очень немного добавить, возвращаясь к нашей современной русской фантастикѣ.

Я не буду излагать окружающей нас дѣйствительности. Если у вас еще есть способность читать газеты—пробѣгите рѣчи на послѣднем демократическом и предпослѣднем государственном совѣщаніях. Я вряд ли ошибусь, сказав, что впечатлѣніе

получается как от вида большого муравейника, который пробирающаяся по лѣсу телѣга переѣхала тяжелым колесом. Россія теперь—такой же раздавленный муравейник; колесо исторіи переѣхало ее—и переѣхало основательно, отворотив напрочь значительную часть.

Не безынтересно, что современная катастрофа была предсказана М. М. Ковалевским в его книгѣ «Соціальная Россія», вышедшей по французски в началѣ 1914 года. Автор показал неизбѣжность перехода власти к демократіи от ослабѣвшаго экономически дворянства и предсказал его в ближайшем будущем; он предрек острыя осложненія в вопросах аграрном и рабочем и особенно національном—в частности в отношеніи Финляндіи.

Он отмѣтил характерную—и нынѣ еще продолжающуюся черту русской политической жизни—двоевластіе, существованіе на ряду со слабым оффиціальным правительством правительства сильнаго неофиціальнаго—раньше именовавшагося совѣтом объединеннаго дворянства, нынѣ совѣтом объединенных демократій—и предостерегающе указывал на опасность такого явленія.

Теперь эта книга уже прошедшее, а не будущее. Послѣднее трудно было бы предсказать даже Ковалевскому. Но, стоя перед катастрофой, покойный соціолог не терял бодрости. Не будем мы терять ее теперь; вспомним о том, что происходит с раздавленным муравейником. Его строят вновь, пусть поменьше размѣром. Такая же упорная, муравьиная, незамѣтная работа предстоит и нам - и в ней наука сыграет свою освѣдомляющую и совершенствующую роль, да и не перестает ее играть.

Задача трудна, именно только муравьиным терпѣніем и настойчивостью удастся нам справиться.

Вѣдь надо возсоздать то, что перестало существовать у нас в послѣднюю четверть вѣка, а нѣкоторыя говорят во весь Петербургскій період: надо возсоздать в новом видѣ русскую націю, основу государственности и, если угодно, интернаціонала, так как интернаціонал без націй есть «интер»,—есть «между», есть звук пустой и дурная безконечность, пользуясь удачным философским сравненіем Гессена[15]).

Но что такое нація? По непревзойденному опредѣленію Ренана, это — душа, духовный принцип, для пріобрѣтенія котораго надо много перестрадать и много позабыть вмѣстѣ[16]).

Мы перестрадаем второе лихолѣтье, как перестрадали первое триста лѣт назад при началѣ династіи Романовых; мы избудем всеобщую «шатость» и из рабской расплывчатой «народности» попробуем стать истинной націей. И на этом мучительном пути наука поможет нам возстановить развалины.

Ей будет много дѣла: естественники должны будут помочь нам использовать то, что осталось еще от наших природных богатств; статистики скажут, сколько именно и чего у нас осталось — и прежде всего сколько осталось рабочей силы, так как сейчас оффиціально выяснилось, что мы не знаем численности своего населенія[17]).

Экономисты станут изучать возникающее из права новое хозяйство, куда вдвинулось не мало соціалистических элементов, и гдѣ слагаются новыя отношенія землепользованія; юристы, наконец, уже хлопочут, систематизируя новое государственное право, новое самоуправленіе, новый вид правосудія — административную юстицію и пытаясь поднять ослабѣвшее чувство уваженія к праву и суду — правосознаніе.

Я назвал выше наш путь мучительным.

Научная работа вообще не легка, теперь она будет сугубо тяжела — в особенности для ученых, так или иначе близко стоящих к соціальной жизни, для представителей общественных наук, особенно для философов и юристов, становящихся политиками.

Я говорил вам, как сожгли мирнаго астронома Бруно. А ученые соціальные реформаторы — господа, от Платона выставленнаго на невольничій рынок до Сен-Симона, доведеннаго до покушенія на самоубійство, до Руссо, выброшеннаго даже из могилы, до Кропоткина, обреченнаго на нѣчто худшее — созерцаніе крушенія своих лучших надежд, — это сплошной ряд мук и преслѣдованій. Попутно достается и ученым муравьям.

В Россіи этого можно ожидать особенно; у нас науку не слишком уважают - пока.

Разрѣшите напомнить, что когда то сюда в Пермь был сослан один из талантливѣйших русских юристов и политиков —

Сперанскій. Когда наступит столѣтіе его смерти, Пермскому университету будет принадлежать право и долг почтить память человѣка, намѣтившаго для Россіи отмѣну крѣпостничества, конституціонныя учрежденія, глубокую, до волостного земства идущую, децентрализацію и частью даже федеральный строй.

А знаете ли вы, что было одной из первопричин паденія Сперанскаго? Это указ 1809 года о полученіи чинов по конкурсным экзаменам в науках, геніальная мысль, позже с нѣкоторым видоизмѣненіем осуществленная в Англіи, и за которую у нас ея автора свирѣпо возненавидѣли всѣ, кто раньше получал повышенія и прибавки, скрестивши руки на груди.

Серьезно учиться и серьезно работать у нас не очень то любили.

И, быть может, не так уж ошибался хорошо изучившій русскую дѣйствительность Скалдин, говоря в 1870 году, что для нас «нѣт ничего труднѣе, как воспринимать безспорныя истины и слѣдовать им в своей частной и общественной дѣятельности»[18]).

И при таких антецедентах, при таких условіях вы разсчитываете чего-то добиться с наукой?—спросят меня – возлагаете упованіе на муравьиную работу?

Это гордо, но безнадежно.

Нѣт, господа не безнадежно! С давних пор человѣчеству приходилось встрѣчаться с такими замѣчаніями, и давно уже его коллективное чутье правды создало в отвѣт на них поэтическую легенду, которую я и позволю себѣ в заключеніе разсказать.

Три небожительницы спускались с неба на землю. Одна из них на мощных крыльях, с мечем в рукѣ, слетѣла первая.

С отвращеніем увидѣла она кругом рабство, звѣрство, насиліе людей, подняла меч и кинулась сбивать цѣпи, карать тиранов и собирать вокруг себя всѣх лучших, всѣх благородных.

Но сильно насиліе—и до сих пор бьется она, изнемогая, и падая, и вновь подымаясь, и медленно растут, и часто разсѣиваются ея полки, и алой кровью горит поднятое ею знамя,—знамя той, чье имя Свобода.

В серебристых одеждах, с легкой поступью, с нѣжной благостной рѣчью сошла за ней вторая.

Чудными очами окинула она страждущій мір и начала исцѣлять больных, помогать бѣдным, лѣчить раны, нанесенныя даже мечем сестры воительницы, и стала созывать к себѣ и к ней всѣх лучших, всѣх милосердных и любящих, всѣх труждающихся и обременных.

Люди предали ее, подняли на крест, жгли на кострах, терзали звѣрями, насиловали и изгоняли.

До сих пор страдает она и алыя пятна покрыли серебристыя одежды и красен ея крест,—крест той, чье имя Любовь.

Медленно, твердым, нѣсколько неуклюжим шагом идет за первыми третья сестра. Ясен ея взор, хотя нѣсколько суров и холоден вид,—безстрастны ея рѣчи. В ея рукѣ—высоко поднятой—горит факел, и факела этого не в силах объять никакая тьма, не может затушить никакое ухищреніе. Странно дѣйствіе его свѣта на людей: они сначала пятятся, жмутся, отмахиваются, но если хоть раз освѣтил факел самую глубину их мысли—навѣки становится человѣк в толпу идущих за третьей сестрой и *не может*—не может—оставаться глухим к призывам двух первых. И прочны становятся их завоеванія, и тихо, упорно, непрерывно расширяет третья сестра их общее царство.

Имя ея, имя вѣчной побѣдительницы?

Ее зовут—Наука.

В. Дурденевскій.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ ..... 1973 г.

Примѣчанія к рѣчи В. Н. Дурденевскаго.

1) Милюков, П.—Изъ исторіи русской интеллигенціи, 2-е изд., СПБ. 1903, стр. 219.

2) Еллинек, Г.—Борьба стараго права с новым, рус. пер. М. 1908, стр. 24.

3) Еллинек, Г.—Адам в ученіи о государствѣ, рус. пер. М. 1909, стр. 8.

4) Фриче, В.—Германскій имперіализм в литературѣ, М. 1915.

5) Ле Бон, Г.—Психологія соціализма, 2-е рус. изд., СПБ. 1908; Франк, С. Философскія предпосылки деспотизма, Рус. Мысль, 1907, № 3.

6) Лященко, П.—Экономическія причины войны, Томск, 1915; Успенскій, Л.—Идея прогресса у бл. Августина, М. 1916. (Вопр. фил. и псих.).

7) Апухтин,—Из бумаг прокурора.

8) Еллинек, Г.—Общее ученіе о государствѣ, рус. пер., 1908, стр. 10, 15 сл.

9) Еллинек, Г.—Там же, стр. 67 и 69.

10) Arndt, A.—De libris prohibitis, Ratisbonae, M. D. CCCXCV.

11) Cruet, J.—La vie du droit, Paris, 1908, p. 245.

12) Еллинек, Г.—Борьба стараго права с новым, рус. пер., М. 1908, стр. 51.

13) Елистратов, А.—Прикрѣпленіе женщины к проституціи, Каз., 1903, стр. 288. Griffin, A. P. C.,—Select list of references on corrupt practices in elections, Washington, 1908 (Library of Congres).

14) Bryce, J. Hindrances to the good citizenship, New-Iork, 1910.

15) Гессен,—Статья „Идея націи“ в сборникѣ „Вопросы міровой войны“, 1914.

16) Renan, E.—Qu'est-ce qu'une nation? 1882.

17) Извѣстія особаго совѣщанія для изготовленія проекта положенія о выборах в Учредительное Собраніе, №№ 81—83 (статистическое совѣщаніе).

18) Скалдин—„В захолустьи и в столицѣ“. Тип. Акад. Наук. СПБ. 1870, стр. 328.

Перм. Электро-тип. губ. земства. 1918—107.